

КОНЧИНА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО НИКАНОРА, Архіепископа Казанскаго и Свѣяжскаго.

27-го ноября въ 9 часовъ 10 мин. вечера скончался Архіепископъ Казанскій Никаноръ. Смерть Владыки была крайней неожиданностью для окружающихъ лицъ. Еще наканунѣ Владыка былъ здоровъ и какъ то особенно благодушенъ. Вечеромъ ужиналъ и, запершись въ своей комнатѣ, легъ спать. По словамъ покойнаго, первое недомоганіе онъ почувствовалъ около 11 часовъ ночи. Далѣе къ утру съ покойнымъ была рвота, но о его безпомощномъ положеніи никто не могъ знать, такъ какъ двери спальни были заперты, а звонкомъ Владыка никого не звалъ. Утромъ, часовъ около 7-ми, покойный, очевидно чувствуя себя худо, пытался подниматься съ постели и должно быть направлялся къ двери, чтобы ее отпереть, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вернулся обратно, упалъ безпомощно на постель и судорожно нажалъ рукой пуговку электрическаго звонка. Раздался продолжительный звонокъ. Въ испугъ прибѣгаютъ къ дверямъ келейники, но двери заперты, а между тѣмъ звонокъ все звонитъ и звонитъ. Щипцами какъ то удалось удачно захватить бородку ключа и повернуть его въ запертой двери. Дверь растворилась и взорамъ пришедшихъ предстала тяжелая картина. Безпомощно упавшій на постель Святитель и судорожно продолжающійся бой электрическаго звонка.

Призванный врачъ констатировалъ кровоизліяніе въ мозгъ, утерю владѣнія правой руки и ноги, но съ сохраненіемъ чувствительности. Однако Владыка чувствовалъ себя довольно бодро и имѣлъ силы самъ рассказать врачу все съ нимъ происшедшее.

Тутъ же Владыка пожелалъ исповѣдываться и принять Святые Тайны, что и было тотчасъ же исполнено. До полудня положеніе больного не было еще слишкомъ

тяжко и какъ бы безнадежно. Но послѣ полудня Владыкѣ стало хуже, а затѣмъ начался отекъ легкихъ. Къ вечеру дыханіе стало затрудненнымъ, страданія увеличились, рѣчь стала невнятной, но сознание сохранялось въ полной силѣ. Можно было думать, что болящій уже предчувствовалъ приближеніе смертнаго часа. Онъ съ какой то особенной лаской заглядывалъ на подходящихъ къ его одру, отвѣчая на привѣтъ послѣднимъ лобзаніемъ и слабымъ, но нѣжно сердечнымъ пожатіемъ руки. По нѣскольку разъ болящій Святитель бралъ въ свою руку руки сидѣвшихъ возлѣ него лицъ и тихимъ сердечнымъ пожатіемъ благодарилъ послѣднимъ благодареніемъ. Въ этомъ было что то глубоко трогательное, указывающее на близость скорой развязки. Въ седьмомъ часу вечера Владыкѣ предложили помолиться и онъ попросилъ послужить возлѣ его одра всенощную. Началось краткое служеніе. Владыка какъ бы нѣсколько затихъ въ своей боли и ровнѣе дышалъ. Кончилась всенощная. Изъ устъ Владыки слышались невнятные звуки. Онъ силился что то сказать, но присутствующіе не могли разобрать произносимыхъ словъ. Наконецъ, стало явственно различимо, что Владыка просить посвятить во діакона. Это было то послѣднее дѣло, которое оставалось нерѣшеннымъ у умирающаго Архіепископа. Умирающій до самой смерти остался вѣрнымъ себѣ. Будучи здоровымъ, онъ не имѣлъ обыкновенія оставлять на слѣдующій день нерѣшенныя дѣла и въ этотъ послѣдній день жизни Владыки на его столѣ лежало только одно разсмотрѣнное, но не рѣшенное дѣло, и оно послѣднимъ мановеніемъ Владычной воли все-таки было закончено. Святитель умиралъ стражемъ на своемъ посту. Когда Владыка увидѣлъ, что его волю поняли и сдѣлали согласно ей распоряженіе, его уста снова зашептали что то, и снова окружающіе не могли долго понять, что просить умирающій. А умирающій просилъ помазанія елеемъ отъ лампады, возженной предъ иконой

Св. Великомученика Пантелеимона въ комнатѣ, гдѣ служили всенощную и гдѣ лежалъ болящій. Не разъ подавали Владыкѣ разные предметы и указывали на разные вещи, но болящій отрицательно качалъ головой. Но вотъ стало ясно слышно, что Владыка проситъ освятить его и указываетъ на грудь, гдѣ особенно чувствовалась боль. Когда же наконецъ принесены были лампада и кисточка для помазанія, то лицо Владыки озарилось радостно и онъ самъ помазалъ себѣ чело и грудь, благодаря присутствующихъ наклоненіемъ головы и взоромъ.

Затѣмъ усилилась хрипота и болящій постоянно мѣнялъ положеніе головы. Ему становилось труднѣе и труднѣе. Тщетно указывалъ болящій сидѣвшему возлѣ него врачу на свой ротъ, какъ бы поясняя, что ему тяжело дышать, но помочь было нечѣмъ. Пріѣхавшіе на консилиумъ врачи могли только констатировать безнадежное положеніе больного и приближающійся смертный часъ. Было прописано впрыскиваніе комфары и вдыханіе кислорода. Врачи говорили, что больной едва ли проживетъ ночь, и даже нѣсколько часовъ. И дѣйствительно, не прошло и часа послѣ того, какъ уѣхали собравшіяся на консилиумъ силы науки, какъ въ 9 часовъ 10 мин. вечера неожиданно прервалось дыханіе Владыки и онъ отошелъ тихо въ вѣчность. Въ послѣднія минуты надъ отходящимъ ко Господу была прочитана разрѣшительная молитва, но сознавалъ ли это умирающій, сказать довольно трудно. Часъ смертный наступилъ какъ то слишкомъ неожиданно для присутствовавшихъ.

Миръ праху Твоему, почившій Святитель-труженикъ!

Тотчасъ же была отслужена заупокойная литія. Присутствовавшими иноками усопшій отертъ крестообразно елеемъ и обряженъ, а затѣмъ перенесенъ въ залъ, гдѣ было совершено облаченіе и отслужена великая панихида. Въ 12-мъ часу надъ усопшимъ началось уже чтеніе Св. Евангелія.

.....

І. Г.